

ДОВЕРИЕ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СРАВНЕНИЕ РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ*

И.А. ЗЕЛЕНЕВ, В.А. ПРОХОДА

Социальный капитал — это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностных отношениях, это то, что облегчает индивидуальные или коллективные действия, генерирует сети отношений, взаимности, доверия и социальные нормы¹. По П. Бурдьё, социальный капитал используется человеком для повышения своего статуса; отражает социальные связи человека; зависит от размера сети связей и от объема экономического, культурного или символического капитала, которым обладает индивид. Основополагающие компоненты культурного капитала — это образовательные квалификации, «богатство» в форме знания или идей².

Один из показателей, обычно используемых для оценки «национального объема» социального капитала — индекс доверия. Доверие является фундаментальным условием взаимодействия человека с миром, это системообразующий компонент общности «мы», которая предполагает психологическую близость и доверительность. В основе возникновения общности лежит позитивное принятие и взаимопонимание³. Во многом сказанное можно отнести и к макрогруппам, к макросоциальному уровню, например, к жителям страны. В последние годы констатируется высокая степень психологического взаимоотноуждения в российском обществе. В восприятии нашими соотечественниками своего социального окружения это окружение весьма специфично. Выходя за круг привычных, немногочисленных групп «своих», россияне оценивают «других» преимущественно как «потенциально чуждых». На это восприятие оказывают влияние такие характеристики индивидов, как место жительства, возраст, пол, уровень образования.

Для анализа взаимосвязи доверия социальному окружению — с отсутствием/наличием высшего образования у россиян и жителей других европейских стран, обратимся к материалам «The European Social Survey» (ESS)⁴. Из базы данных ESS с результатами опросов, проведенных в 2006 и в 2014 гг., нами были проанализированы ответы респондентов на три следующих вопроса.

1. *Скажите, пожалуйста, считаете ли вы, что большинству людей можно доверять или вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает?*

2. *Как вы думаете, большинство людей постарались бы вас использовать, если бы им представилась такая возможность, или же, на ваш взгляд, люди постараются вести себя с вами честно?*

* Публикация подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда РГНФ «Особенности социального капитала в регионах России: возможности эмпирического анализа», грант № 14-03-00338.

3. По вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать другим или они чаще всего заботятся только о себе?

По каждому ответу использовалась шкала от 0 до 10, где «0» означает самый низкий уровень доверия и участия, а «10» — максимальный уровень доверия и участия.

На первом этапе, по результатам проведенного факторного анализа ответов на эти вопросы, выяснилось, что они группируются в один фактор. Этот же фактор был получен и проинтерпретирован ранее в публикации результатов обработки данных социологических опросов, проведенных в 2006–2012 гг. (ESS–2006 – ESS–2012)⁵.

Далее, все 16 стран, представленные в обрабатываемой базе данных (версия 04.02.16) ESS–2014, были ранжированы в порядке возрастания их среднего значения по полученному фактору (т.е. чем выше показатель доверия в стране — тем больше ее ранг). Это позволило «расположить» страны, в соответствии с их рангами, на континууме «недоверие (-) — доверие (+)». Страны выстроились по этому показателю в следующей последовательности: Польша (ранг 1), Словения (2), Чехия (3), Россия (4), Франция (5), Бельгия (6), Австрия (7), Эстония (8), Германия (9), Ирландия (10), Швейцария (11), Нидерланды (12), Швеция (13), Норвегия (14), Финляндия (15), Дания (16). Ближе всего к полюсу «Доверие» находится Дания, а к полюсу «Недоверие» — Польша. Ранг России (которая, как можно заметить, входит в первую четверку из 16 стран) нельзя, к сожалению, назвать социально-благополучным.

Несомненный интерес представляет позиционирование на рассматриваемом континууме отдельных федеральных округов (ФО) России. Проводимые исследования в рамках новой научной школы региональной компаративистики во главе с членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным, дали еще один импульс изучению регионов⁶. Анализ данных уровня доверия по федеральным округам показал, что за период 2006–2014 гг., по каждому федеральному округу в отдельности, как и по России в целом, выявлена отчетливая положительная динамика. Исключение составляет только Дальневосточный ФО, где в 2014 г. этот показатель немного ниже, чем в 2006.

Специальные приемы обработки данных позволили на основе факторного анализа определить «положение» российских макрорегионов на том же континууме «недоверие (-) — доверие (+)». Самыми неблагополучными по рассматриваемой характеристике оказались в 2014 г. Сибирский и Дальневосточный федеральные округа (Сибирский округ находится к полюсу «недоверие» ближе остальных ФО). Данная пара округов, в соответствии с их показателями, «находится» между Польшей (ранг 1) и Словенией (ранг 2). Затем следует Северо-Кавказский ФО, «разместившийся» между Словенией (2) и Чехией (3). Между Чехией (3) и Россией (4) — Южный округ. А вот Центральный ФО и Приволжский ФО оказались по уровню доверия в них — между Россией (4)

и Францией (5). Причем, первый из них — «ближе» к нашей стране, а второй — к Франции. Относительное благополучие Северо-Западного ФО иллюстрируется его «позиционированием» между Бельгией (6) и Австрией (7). Из числа российских макрорегионов ближе всех к полюсу «доверие» Уральский ФО, который на континууме 16-ти зарубежных стран располагается сразу за Австрией (7).

Таким образом, можно констатировать, что россияне в целом воспринимают социальное окружение преимущественно как «потенциально чуждое». А согласно теореме, сформулированной Уильямом Томасом, если люди определяют ситуации как реальные, то эти ситуации реальны по своим последствиям⁷. Можно сказать, что в своем большинстве социальные взаимодействия в российском обществе становятся теми самыми «отношениями войны и трофеев» (или, в лучшем случае, разворачиваются в рамках «временного соглашения о перемирии»), как образно называли М. Хогг и Д. Абрамс отношения с опасными «другими»⁸. Однако в этом смысле положение некоторых российских макрорегионов заметно отличается в лучшую сторону от остальных. Красноречивый пример — Северо-Западный и Уральский ФО.

Влияние высшего образования на уровень доверия в обществе

Одной из задач настоящей работы являлось рассмотрение взаимосвязи высшего образования с уровнем доверия россиян и жителей других европейских государств. Эмпирические исследования показывают, что образование является одним из важных факторов, влияющих на уровень доверия в обществе⁹. Т.В. Натхов, анализируя данные социологического опроса «Георейтинг», проведенного в 68 российских регионах Фондом «Общественное мнение», приходит к выводу, что уровень образования населения в регионе является единственным показателем, устойчиво коррелирующим с уровнем доверия¹⁰. О.В. Волченко на основе анализа данных пятой волны ESS (2010) констатирует, что количество лет очного обучения является значимой детерминантой доверия¹¹.

При этом в литературе недостаточно представлены исследования, посвященные рассмотрению *взаимосвязи высшего образования с уровнем доверия*. Такое рассмотрение проблемы приобретает особую значимость с учетом того, что высшее образование является показателем высокого социального статуса в обществе, а слой интеллектуалов во многом определяет общественную динамику и является референтной группой, на чьи нормы и ценности ориентируется население. Интеллектуальная элита «*питает своими продуктами и власть, и бизнес, а также общество, формируя его настроения и сознание, идеологию, социальные институты и ценности*»¹².

Для выявления уровня образования респондентов просили ответить на следующий вопрос: «*Какой наивысший уровень образования Вы получили?*» Уровень образования опрошенного измерялся в каждой стране

в соответствии с категориями, принятыми в национальной образовательной системе. Такой подход, позволяя эффективно проводить анализ в национальном контексте, имеет существенные ограничения при сравнении национальных уровней между собой¹³.

Необходимость обеспечения сопоставимости данных по странам потребовала использования Международной стандартной классификации образования (ISCED – International Standard Classification of Education). В качестве базового использовался вариант классификации, принятый ЮНЕСКО в 1997 г. В рамках ISCED выделяются семь ступеней образования, начиная с «дошкольного образования». Подробнее с существующими вариантами ISCED и возможностями их сопоставимости можно ознакомиться в официальных источниках¹⁴.

С учетом специфики уровней высшего образования в России в сопоставлении с системой ISCED была создана бинарная переменная, разделяющая всех респондентов на две категории. В первую оказались включены опрошенные, имеющие высшее образование. В России в их числе оказались респонденты, получившие диплом бакалавра после четырех лет обучения, получившие диплом магистра после дополнительных двух лет обучения, имеющие законченное высшее образование по 5–6 летней системе, а также имеющие научную степень. Во вторую категорию были отнесены все остальные респонденты.

В дальнейшем с помощью процедуры корреляционного анализа рассчитывался коэффициент корреляции между уровнем доверия и наличием или отсутствием высшего образования у респондента. Значимая прямая корреляция фиксируется в подавляющем большинстве стран-участниц проекта – Австрии, Бельгии, Германии, Дании, Ирландии, Нидерландах, Норвегии, Польше, Словении, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции. В этих государствах респонденты, имеющие высшее образование, демонстрируют более высокий уровень доверия, чем опрошенные без высшего образования. Сильнее всего выявленная зависимость проявляется в Бельгии, Дании, Нидерландах. Сравнительно слабая связь фиксируется в Польше, Австрии и Финляндии.

Только в двух европейских государствах – России и Чехии – линейной зависимости между уровнем доверия и наличием высшего образования не было выявлено. В этих странах респонденты с высшим образованием по уровню доверия не отличаются значимо от людей, не имеющих высшего образования. Полученные результаты весьма устойчивы и повторяют картину предшествующих волн исследования. Так, подобная зависимость отсутствовала в России и в 2006 г. – году начала проведения российских опросов в рамках проекта ESS. По результатам предшествующей шестой волны исследования, проведенной в 2012 г., линейная связь отсутствовала в России и Чехии, а также Албании, Украине и Литве¹⁵. Примечательно, что в России корреляция отсутствует во всех возрастных когортах (18–35 лет, 36–54 года, 55 лет и старше).

Что же касается российских макрорегионов, то сравнительный анализ показывает, что во всех восьми ФО — как и в стране в целом, значимая связь между уровнем доверия и наличием или отсутствием высшего образования в 2014 г. отсутствует. Последнее хорошо иллюстрируется и результатами проведенного кластерного анализа. В зависимости от выраженности доверия, а также наличия или отсутствия связи между доверием и высшим образованием — Россию в целом, федеральные округа, другие европейские страны можно типологизировать, разделив на три кластера (группы). Государства и российские макрорегионы, сгруппировавшиеся в один кластер, схожи между собой и отличаются по рассматриваемым в анализе характеристикам от попавших в другие кластеры.

Страны самой многочисленной первой группы (Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция, Эстония) отличаются сравнительно высокими или стремящимися к средним по Европе показателями уровня доверия, а также наличием значимой связи между доверием и высшим образованием. Во второй группе оказались два государства (Польша и Словения), характеризующиеся одновременно наличием значимой связи между высшим образованием и уровнем доверия и самыми низкими в Европе показателями доверия. Наконец, для третьей группы, включающей в себя Россию в целом, все российские макрорегионы, а также Чехию, — свойственны, прежде всего, отсутствие связи между доверием и высшим образованием, а также сравнительно низкие показатели доверия.

Наличие или отсутствие значимой линейной зависимости между уровнем доверия и высшим образованием, по результатам проведенного корреляционного анализа, не раскрывает природу причинно-следственных связей. Если исходить из того, что одной из базовых характеристик культурного капитала является уровень формального образования, отсутствие связи между доверием и высшим образованием как в России в целом, так и в разрезе ее макрорегионов, может свидетельствовать о нарушении процесса взаимной конвертации социального и культурного капиталов¹⁶. Фактически получается, что в отличие от большинства европейских стран, наличие высшего образования в России не повышает социальный капитал индивида. Возможны различные объяснения полученных результатов.

Очевидно, что высшее образование является инструментом реализации не только профессиональных, но и социальных запросов со стороны общества. Иными словами, «высшие учебные заведения приобретают — или могут приобретать — особую социальную функцию: они становятся не только инструментами получения профессиональной квалификации, но и накопления социального капитала, определяемого как совокупность вполне определенных социальных

ценностей, стандартов, норм поведения, правил нравственности и морали, коммуникативных навыков»¹⁷. Высшее образование призвано формировать и поддерживать привычки, навыки, ценности, компетенции, необходимые для социального взаимодействия. Можно предположить, что российская высшая школа сегодня не производит в достаточной степени и не транслирует те социокультурные образцы поведения, которые способствуют формированию и росту социального капитала у выпускников.

В частности, система высшего образования фрагментарно и неэффективно выполняет социальный заказ со стороны общества. Иными словами, «российская высшая школа, как и вся сфера образования — закрыта от общества, потеряла связь с “заказчиком” своей продукции — рынком труда, замкнулась сама на себя»¹⁸. Что же касается респондентов, получивших высшее образование в советский период, то социально-политическая система тогда и не предполагала необходимости формирования навыков успешного социального взаимодействия в условиях рыночной экономики. Последнее следует из вывода о том, что на высшее образование влияет образовательная политика, зависящая от таких внешних факторов, как: характер и содержание социально-политического процесса, экономическая ситуация, тип политической системы¹⁹.

В современной России наличие высшего образования не способствует повышению успешности социального взаимодействия, в отличие от ситуации, складывающейся в большинстве европейских стран. Вероятно, в российских реалиях оказались востребованными иные качества. В условиях клановости, протекционизма и коррупции формируется такая модель приращения социального капитала, когда накопление доверия в конкретных социальных группах ведет к снижению уровня доверия (как основного индикатора социального капитала) в обществе в целом. Вероятно, в описанной модели обладание высшим образованием (как основополагающим компонентом культурного капитала) не дает существенных предпочтений.

В заключение отметим, что в настоящей публикации рассматриваются лишь некоторые аспекты взаимосвязи социального капитала с конкретным уровнем образования. Перспективным представляется изучение проблематики применительно к другим уровням образования и с использованием расширенного спектра индикаторов социального капитала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120.

² Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education. Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.

³ Скрипкина Т.П. Психология доверия. — М.: Академия, 2000. 264 с.

⁴ «Европейское Социальное Исследование» – проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения в возрасте 15 лет и старше. Социологические опросы проводятся каждые два года в трех десятках европейских стран (Россия участвует в «ESS» с 2006 г.). Выборка: более 50 тыс. интервью во всех странах в каждую волну, 1,5–3 тыс. интервью в каждой стране по репрезентирующей население выборке. На международном уровне общее управление проектом осуществляли: The Centre for Comparative Social Surveys, City University London, UK; Scientific Advisory Board.

⁵ Зеленов И.А. Макропсихологическая ситуация и толерантность/интолерантность в России и других европейских странах // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 68–83.

⁶ Беляева Л.А. Социальное и культурное пространство регионов России // Философские науки. 2016. № 1. С. 52–54.

⁷ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.

⁸ Hogg M.A., Abrams D. Social identifications: A social psychology of intergroup relations and group processes. – L.: Routledge, 1988. P. 17.

⁹ Подробнее см.: Helliwell J., Putnam R. Education and Social Capital // Eastern Economic Journal. 2007. Vol. 33. № 1. P. 1–19. Nie N.H., Junn J., Stehlik-Barry K. Education and Democratic Citizenship in America. Chicago: University of Chicago Press, 1996. 290 p. Натхов Т.В. Социальный капитал и образование // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 63–67.

¹⁰ Натхов Т.В. Образование и доверие в России. Эмпирический анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. № 3. С. 353.

¹¹ Волченко О.В. Доверие как продукт вовлеченности в информационные потоки // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4 (122). С. 132.

¹² Горчицкая Е.А. Интеллектуальная элита с позиций философии: структура и функции // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 209.

¹³ Андреевкова А.В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. – М.: Новый Хронограф, 2014. С. 294–316.

¹⁴ Подробнее см.: Международная стандартная классификация образования. МСКО 2011 [Электронный ресурс] / Организация Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры. Институт статистики ЮНЕСКО. 2013. – URL: <http://www.uis.unesco.org/education/documents/iscled-2011-gu.pdf> (дата обращения: 12.05.2016).

¹⁵ Зеленов И.А., Прохода В.А. О восприятии социального окружения и наличии высшего образования у россиян и жителей других европейских стран / Высшее образование для XXI века: XII Международная научная конференция. Москва, 3–5 декабря 2015 г.: Доклады и материалы. Симпозиум «Высшее образование и развитие человека» / отв. ред. Вал.А. Луков, Ч.К. Ламажаа. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 54–59.

¹⁶ Подробнее о конвертации см.: Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Электронный ресурс] // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 30. – URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf (дата обращения: 20.05.2016).

¹⁷ Вольвач В.Г. Социальный капитал в системе образования: ценностный аспект // Инновационное образование и экономика. 2008. № 3(14). С. 38.

¹⁸ Горин Н.И., Нецадин А.А., Тульчинский Г.Л. Перезревшая необходимость реформы высшей школы, или почему бизнес должен прийти в университеты. Ч. 1 // Философские науки. 2016. № 1. С. 21.

¹⁹ См.: Смолин О.Н. Российское образовательное законодательство. Философско-методологические и социально-правовые проблемы. Ч. 1 // Философские науки. 2016. № 1. С. 9–20.

REFERENCES

- Andreenkova A.V. *Comparative cross-country studies in the social sciences: the theory, methodology, practice*. Moscow: Novyj Hronograf, 2014. 516 p. (in Russian).
- Belyaeva L.A. Social and cultural space of the Russian regions. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. 2016. No 1, pp. 52-54 (in Russian).
- Bourdieu P. The forms of capital. In: *Handbook of theory and research for sociology of Education*. Ed. by J. Richardson. New York, Greenwood Press, 1986, pp. 241-258.
- Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital. In: *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94, pp. 95-120.
- Goffman E. *The presentation self in every day life*. Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2000. 304 p. (Russian trans.).
- Gorchitskaya E.A. The intellectual elite from the philosophy position: structure and function. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of the Omsk University]. 2011. No 4, pp. 207-210 (in Russian).
- Gorin N.I., Neshchadin A.A., Tulchinskiy G.L. The overripe need for higher education reforms takes place, or Why a business should go to university. Part 1. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. 2016. No 1, pp. 21-38 (in Russian).
- Helliwell J., Putnam R. Education and Social Capital. In: *Eastern Economic Journal*. 2007. Vol. 33. No 1, pp. 1-19.
- Hogg M.A., Abrams D. Social identifications: A social psychology of inter-group relations and group processes. London, Routledge, 1988. 268 p.
- Nathov T.V. Education and trust in Russia. Empirical analysis. In: *Ekonomicheskii zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Economic Journal of Higher School of Economics]. 2011. No 3, pp. 353-373 (in Russian).
- Nathov T.V. Social capital and education. In: *Voprosy obrazovaniya* [Educational issues]. 2012. No 2, pp. 63-67 (in Russian).
- Nie N.H., Junn J., Stehlik-Barry K. *Education and Democratic Citizenship in America*. Chicago, University of Chicago Press, 1996. 290 p.
- Radaev V.V. The concept of capital, forms of capital and their conversion. In: *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. 2002. Vol. 3. No 4, pp. 20-32. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf (in Russian).
- Skripkina T.P. *Psychology of trust*. Moscow, Akademiya, 2000. 264 p. (in Russian).
- Smolin O.N. Educational legislation of Russia. Philosophical, methodological, and socio-legal problems. Part 1. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. 2016. No 1, pp. 9-20 (in Russian).
- Volchenko O.V. Trust as a product of involvement in information flows. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion]. 2014. No 4 (122), pp. 128-140 (in Russian).
- Volvach V.G. Social capital in the education system: the value aspect. In: *Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika* [Innovative education and the economy]. 2008. No 3 (14), pp. 36-38 (in Russian).
- Zelenev I.A., Prokhoda V.A. Perception of the social environment and the availability of higher education among Russians and citizens of other European countries. In: *Higher Education for the XXI Century: XII International Scientific Conference*. Moscow, December 3-5, 2015: The reports and materials. Symposium on Higher Education and Human Development». Val.A. Lukov, Ch.K. Lamazhaas (eds.). Moscow, Moscow University of Humanities Publ., 2015, pp. 54-59 (in Russian).
- Zelenev I.A. The macropsychological situation and tolerance/intolerance in Russia and other European countries. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 2015. No 6, pp. 68-83 (in Russian).

Аннотация

Рассматриваются доверие и высшее образование как компоненты, соответственно, социального и культурного капитала. Европейские страны ранжированы по уровню доверия в обществе. Выявлено существенное различие по этому показателю в российских федеральных округах. Оценивается взаимосвязь между доверием и отсутствием/наличием высшего образования у жителей европейских государств, по сочетанию этих критериев предложена классификация европейских стран. Констатируется специфика ситуации в России, где отсутствует корреляция между доверием и наличием высшего образования у респондентов.

Ключевые слова: социальный капитал, культурный капитал, высшее образование, доверие, сравнительные социологические исследования, европейские страны, федеральные округа.

Summary

The article focuses on the consideration of the trust and higher education as components of social and cultural capital. European countries are ranked by the level of trust in society. It is revealed the significant difference on this indicator in the Russian federal districts. The author evaluates the relationship between trusts and the absence / presence of higher education among residents of European countries, the classification of European countries is presented by means of a combination of the above criteria. It is stated the particularity of Russian situation, there is no correlation between the trust and presence of higher education respondents.

Keywords: social capital, cultural capital, higher education, trust, comparative case studies, European countries, the federal district.